HOOVER LIBRARY

ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 7 (30)

Июль 1924 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

HOOVER LIBRARY

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I. — СТАТЬИ и ВОСПОМИНАНИЯ.

Стр.

М. Н. Покровский. — Как началась война 1914 года? . . . . . 5 —
А. Киселев. — В июле 1914 года. 36
Н. Н. Крестинский. — Из воспоминаний о 1914 годе. 56
М. А. Сильвин. — К биографии В. И. Ленина. 66
Н. Н. Батурин. — О наследстве „русских якобинцев". 82
Н. Самойлов. — Первая легальная марксистская газета в России. („Самарский Вестник", 1896 — 97 г.г.). 90
А. Л. Попов. — Из истории революции в Восточном Закавказье (1917 — 18 г.г.). Глава III. Партия „Мусават". 110
Н. Нелидов. — Тов. „Макар" (В. П. Ногин). 144
А. Бубнов и Е. Преображенский. — В. Н. Лобова (некролог). 166
И. Теодорович. — Заметки читателя. 172
Я. Бранденбургский и В. Невский. — Еще о Пека в июле 1906 г. (По поводу „Заметок читателя" И. Теодоровича). 178

ОТДЕЛ II. — МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ.

Июльские дни 1914 г. в Петербурге (архивные документы). — Сообщил **С. Н. Валк**, примечания **С. Е. Лившица**. 181
К. Воиноза. — *Июль 1914 г. в Москве* (хроника событий) 215
В. И. Ленин. — *„Письма из далека"*, письма 2-е, 3-е и 4-е (март 1917 г.). . 224
Ленин и тактика социал-демократов на суде (1895 г.). 248
В. И. Ленин и 25-летний юбилей револ. деятельности Г. В. Плеханова (1901 г.). 252

ОТДЕЛ III. — БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Елизарова. — „Ленинский сборник". Вып. I. Института Ленина 253
В. Л. — вв. — „Борьба за власть". Т. I, сборник Перм. бюро Истпарта. . . 257
П. Ф. — „История революционного движения на Тереке". Сборник. № 1. . . 260
Г. Левевич. — Р. Хаблс. Первомайский праздник. 264
Е. Мороховец. — А. В. Шестаков. Бунт земли. 265
Его же. — А. П. Иванов. Крестьянское движение во Владим. губ. 1905—06 г.г. 267

В июле 1914 года.

(Из воспоминаний).

1. Подготовка к партийной конференции и поездка за границу в июле 1914 года.

В начале 1914 года волны рабочего движения поднимались все выше и выше. Рабочие всех не только крупных предприятий, но и мелких мастерских Петербурга отзывались на все призывы, исходившие от газеты «Правда» и большевистской партийной организации. Началось большое оживление как среди легальных, так и нелегальных организаций. Рабочие шли на всякое нелегальное собрание, не то, что года два тому назад, когда к нелегальным собраниям рабочие относились с некоторым скептицизмом. Теперь жизнь ставила много разнообразных и интересных вопросов, которые не могли быть по полицейским и цензурным условиям обсуждаемы в легальной печати, и потребность в подполье вытекала из самого существа нараставшего движения рабочих. Нарасхват у нас брали товарищей, которые могли выступать и делать доклады на том или ином нелегальном собрании. Помню, было одно собрание в Шуваловском лесу (около станции Шувалово), созванное из представителей проф. союзов и культ.-просв. обществ. С интересом участники собрания слушали доклад о предполагавшемся созыве международного социалистического конгресса и о нашем на нем участии. Какое количество разнообразных вопросов было задано докладчику и с каким интересом добивались детализации всех вопросов!

Так как к этому времени наиболее крупные проф. союзы были в наших руках или находились под нашим влиянием, то большинство делегатов, которые должны были поехать на международный конгресс, было обеспечено за нашей партией. По-

этому ЦК партии решил приурочить к этому конгрессу созыв Всероссийской партийной конференции за границей, поручив большевистской фракции Гос. Думы подобрать соответствующих товарищей, которые должны были на местах заняться подготовкой этой конференции. Выполнение этой задачи фракция возложила на тов. Бадаева.

Для проведения подготовительной кампании к парт. конференции были привлечены т.т. Авилов-Глебов, А. Никифорова и пишущий эти строки. Но, прежде чем начать об'езд по России, нам было предложено отправиться за границу для детального выяснения планов и намерений ЦК партии. Кроме того, нужно было сделать опыт, насколько хорошо обставлено дело для переправы большого количества делегатов через границу, какие обнаружатся недостатки, которые можно было бы легко устранить, насколько практичен переезд через ту или другую границу, удовлетворительно ли поставлено дело возвращения из-за границы и пр. и пр. Когда переговоры были закончены, нам предложено было на определенный день подготовиться, взять необходимые для дороги вещи, несколько поприличнее одеться, получить деньги и явки и тронуться в путь. Прилично одеться для меня было не так легко, ибо я не имел такого костюма, который мог бы считаться «приличным» для поездки за границу. Поэтому за этим «приличным» костюмом я обратился к своему земляку — токарю трубочного завода тов. Дм. Кротову. Он с большой охотой уступил свой новый серый костюм и соломенную шляпу, которые по приезде из-за границы спасли меня от верного ареста.

В июне однажды вечером я и тов. Авилов-Глебов сели на Балтийском вокзале в поезд и отправились в Варшаву, а оттуда в Любаново. В явочной квартире нас встретил один товарищ (студент Петербургского университета). Пробыли мы в Любанове около двух суток, ожидая условного ответа от товарища, проживавшего на границе с Австрией, о том, что можно ехать дальше. В Любанове мы сели на автобус, который поддерживает связь с заграницей, и не доезжая 4 — 5 верст до австрийской границы, сошли в местечке, где нас должна была ожидать крестьянская подвода. Но с нашим извозчиком вышла какая-то задержка. Полиция начала пытливо осматривать нас с головы до ног. Мы почувствовали, что останавливаться здесь—

значит итти прямо жандармам в лапы, в особенности, если не знаешь, куда итти. Но наше смущение и неприятное чувство быстро прошли, так как прибывший крестьянин, видимо, опытный контрабандист, быстро догадался по выражению наших растерянных лиц и блуждающих глаз, что это и есть те самые пассажиры, за которыми он приехал... Мы торопливо сели в малороссийскую бричку и поехали, сопровождаемые подозрительными взглядами жандарма и полиции.

В пограничную деревню мы приехали благополучно. Привезли нас к одному студенту, сыну не то дьякона, не то дьячка. Товарищ направил нас к тому контрабандисту, который должен был переправить нас через границу. Под вечер тронулись в путь и пришли в соседнюю деревню, находившуюся на расстоянии не более 200 сажен от границы. Привел нас контрабандист, как он говорил, к своему зятю, стукнул условленным способом в его хату, и из нее вышел высокий, тонкий, с черной бородкой мужчина, который, отозвав в сторону нашего проводника, о чем-то тихо, с оглядкой, начал разговаривать. После минутных переговоров они нас повели в какой-то маленький хлев, предложили сесть на солому в ожидании их прихода, сами же немедленно покинули нас, обещая скоро вернуться. Часа через полтора приходит наш проводник и говорит, что «мы можем итти»... Было уже совсем темно, когда мы вышли из деревни. Пробрались в поле, прошли несколько десятков сажен по направлению к границе и, наконец, наш проводник на середине одной полосы, в углублении, предложил лечь. Минут через 15—20 мы увидели какой-то свет. Это был дан сигнал, что можем итти через границу. Когда мы подошли вплотную к сигнализировавшему нам человеку, то, оказалось, он был не один, а держал на веревке привязанную за рога корову. Эта корова являлась маскировкой от пограничных солдат [1]). Человек, державший корову, что-то сказал нашему проводнику, и мы, наклонившись, побежали через границу.

[1]) На границе солдаты стоят один от другого на расстоянии полуверсты, при чем ходят по пограничной черте в определенном порядке, время от времени встречаясь сосед с соседом, и потом расходятся в разные стороны для встречи с другим соседним часовым. И для того, чтобы выследить удобный момент для прохода через границу, берут корову и подходят с ней совсем близко к самой границе.

Через десять минут мы остановились, чтобы передохнуть; дальше пошли обычным шагом. Проводник сообщил, что теперь мы в безопасности, ибо вступили уже на территорию Австрии. На ближайшей железнодорожной станции мы сели в первый отправлявшийся по направлению Кракова поезд и на второй день утром мы были уже в Кракове. Так как ЦК тогда находился близ Поронина — то мы с вечерним поездом отправились туда и рано утром уже были у цели.

2. В Поронине (у Ильича).

В полученном нами адресе Вл. Ильича было сказано, что сойдя у такой-то станции, повернув налево, спросить виллу Тереско. Вилла, которую мы, приехав на станцию, должны были разыскивать, через несколько минут предстала перед нами во всем своем величии. Это оказался не более, не менее, как дом среднего крестьянина, имеющий две комнаты и кухню.

К квартире В. И. мы пришли рано утром, когда все еще спали; постучались в дверь квартиры, и к нам вышла старушка — мать Надежды Константиновны. Через несколько минут вышла к нам и Надежда Константиновна. Узнав, что мы приехали из Питера, она, со свойственной ей чрезвычайной деликатностью, мягкостью и простотой, спрашивала, как мы доехали, и засыпала нас различными вопросами из жизни рабочего движения в Питере.

Услышав наши разговоры, из квартиры вышел мужчина в потертом, черном пиджаке, среднего роста, довольно крепкий, с приветливой улыбкой на лице. Это был Владимир Ильич, которому Н. К. сообщила, что мы только что приехали из Питера. Мы едва-едва поспевали отвечать на задаваемые В. И. вопросы о рабочем движении в Питере. Нам сообщили, что через короткое время должны приехать депутаты Гос. Думы и что когда они приедут, то откроется совещание, а пока до их приезда придется нам здесь обождать.

По прошествии нескольких минут был приготовлен чай, и мы продолжали дальнейшую нашу беседу, сидя за завтраком. Предложили нам с дороги отдохнуть, а тем временем обещали подыскать помещение, где мы можем ночевать, об обеде же, ужине и чае беспокоиться нечего, так как все это мы можем получить у В. И. Депутаты приехали не так скоро,

и мы прожили в Поронине свыше двух недель. За это время нам пришлось видеть, как работал Вл. Ильич. Вставал он очень рано и готовил к отправке в Россию почту, которая уходила, помнится, каждое утро. Ежедневно можно было видеть, как Вл. Ильич, надевши на плечи дорожную сумку, садился на довольно потрепанный велосипед и ехал на почту, где сдавал приготовленную корреспонденцию и получал с почты всю пришедшую на имя ЦК, которая всегда была очень увесистой и состояла из книг, газет, журналов, писем на всевозможных языках. К вечеру он подготовлял ответы на письма, писал статьи для газет и журналов и сам возил их на почту. Тогда В. И. был всем: и писателем, и секретарем, и почтальоном. Наблюдая его огромную работу, приходилось только удивляться его необычайной работоспособности, усидчивости, терпению и упорству.

Помню, когда мы заговаривали с Надеждой Константиновной о том, что работая так, как работает В. И., можно подорвать свои силы, она говорила: «Еще лет на десяток В. И. хватит». Слова ее оказались пророческими, ибо всего полгода не хватило до срока, названного Н. К...

За первым же чаем у В. И. мы встретили А. Н. Никифорову, которая приехала из Питера дней за 4—5 до нас и с той же целью, что и мы. Тов. Никифорова перед от'ездом работала в Сызрани в качестве секретаря больничной кассы одного крупного предприятия.

Через 2—3 часа после нашего приезда пришел член ЦК нашей партии тов. Г. Зиновьев, который торопился к определенному времени в больницу навестить больную жену и просил нас в свободное время зайти к нему побеседовать о питерских делах. Так как мы имели свободное время, то Над. Конст. предложила нам пойти осмотреть окрестности Поронина, пригласив с нами одного товарища-эмигранта, который жил неподалеку от квартиры Ульяновых. Мы были очень рады сделанному предложению и быстро собравшись, двинулись в путь. Прошли мы не более полуверсты, как навстречу нам попалась крестьянская бричка, на которой сидело несколько человек, по внешнему виду, крестьян и среди них небезызвестный Роман Малиновский. Малиновский только что оставил при загадочных, для того времени, обстоятельствах Гос. Думу, но то, что он—провокатор, еще не было установлено. Рабочие, подстрекаемые ликвидаторами и той неожи-

данной поспешностью, с которой Малиновский оставил Думу, распространяли массу всевозможных толков и сплетен. Многие не только массовики-партийцы, но даже активная партийная публика находилась в большом недоумении по поводу происшедшего. Печатавшиеся и выходившие в то время в «Правде» документы нас не удовлетворяли, хотя они и были очень категоричны.

Помню, мы говорили рабочим: «Допустим, что Малиновский поступил плохо; может быть, он окажется даже очень плохим членом партии, но, ведь, партия от-того, что один из членов ее плох, не перестанет быть пролетарской партией, борющейся за конечные цели рабочего класса — свержение капиталистического рабства. Можно допустить ошибки отдельных лиц, но это не есть ошибки партии» и т. д. Нам, большевикам, тогда пришлось выдержать огромный нажим рабочих масс. И вот, после недавно пережитой нами острой фракционной борьбы попадается нам навстречу виновник всего этого — Малиновский. Мы, не предполагая так неожиданно его встретить, предварительно ничего не говоривши о нем, как по команде все трое отвернулись, как будто он нам совсем незнаком. Когда бричка немного проехала, мы из любопытства оглянулись, оглянулся также и Малиновский, и у него на лице отразился такой испуг, что мы были поражены происшедшей с ним переменой.

По возвращении с прогулки, мы зашли к тов. Зиновьеву. Он сообщил нам, что у него был Малиновский и жаловался на то, что приезжие из Питера товарищи (это говорилось про нас) так жестоко обошлись с ним, что при встрече даже не поздоровались. «Что они мне не доверяют что ли?» — закончил свою жалобу Малиновский. Мы сделали заключение, что Малиновский решил, что его, как провокатора, открыли и мы приехали доложить об этом в ЦК партии, а вероятнее всего, он сделал предположение, что мы приехали для расправы с ним, как провокатором. Во время нашего пребывания в Поронине (а мы прожили там около 3 недель), мы ни разу не встретили у Вл. Ильича Малиновского, несмотря на то, что жили по-соседству и ежедневно бывали у В. И. по нескольку раз. Тов. Никифорова все время жила в их квартире. Позднее приехал в Поронино тов. Г. И. Петровский — член Гос. Думы, с которым Малиновский работал, и все же Малиновский, кажется, не пришел с ним пови-

даться. Конец Малиновского после революции известен и об этом писать я считаю излишним.

Так как мы ожидали товарищей, которые должны были приехать из России и у нас имелось много свободного времени, то мы уселись за чтение нелегальных газет, выходивших в то время за границей. Это для нас было очень кстати, так как нелегальная литература в России получалась неаккуратно, а достать полный комплект центрального органа нашей партии («Социал-Демократ») — роскошь, совсем недоступная для партийных работников в России. Мы набросились с большой жадностью на чтение этой литературы, а на все возникающие после прочтения вопросы, получали во время общей трапезы исчерпывающие ответы. Многие вопросы из западно-европейского движения для нас были несовсем ясны или новы, так как не всегда можно было писать о них в легальных органах с исчерпывающей полнотой, а некоторые из них не затрагивались вовсе.

Много вопросов возникало также и из внутренней жизни партии, о ее современном состоянии и наших ближайших задачах. По целому ряду вопросов, казавшихся неясными, Вл. Ильич читал нам целые лекции. Иногда мы забирались на высокую гору (местечко, где жил В. И., приютилось у подножья горы), выбирали поудобнее и покрасивее уголок и, усевшись, приступали к слушанию доклада В. И.

Приехавший через некоторое время член Гос. Думы тов. Г. И. Петровский сообщил, что некоторые члены большевистской фракции Гос. Думы принуждены по тем или иным причинам выехать на места, а некоторые, как А. Е. Бадаев, должны остаться в Питере, и потому следует совещание открыть при наличии имеющихся товарищей.

Не помню всех вопросов, обсуждавшихся на совещании, знаю только, что они носили организационный характер, связанный с предстоящей партийной конференцией и работой нашей фракции в Государственной Думе. Намечены были районы для об'езда представителями ЦК и районы, которые должны были об'ехать члены Гос. Думы. На этом совещании с Бюро ЦК стоял также вопрос о кооптации новых членов в состав ЦК. В число кооптируемых был введен пишущий эти строки.

После совещания тов. Петровский поехал в Екатеринославскую губернию, тов. Авилов-Глебов на Украину (кажется, в Киев), тов. Никифорова—также на Украину, а мне было поручено поехать в Прибалтийский край и, в первую очередь, в Ригу. Одновременно я имел поручение поехать к тов. Бадаеву в Питер, вез ему условный адрес для пересылки писем и денег на расходы по подготовке международного конгресса и партийной конференции и еще несколько поручений, связанных с переправой делегатов за границу.

3. Возвращение в Петербург.

В Петербург я вернулся, помнится, вечером 5 июля и так как при от'езде комнату передал другим и ночевать мне было негде, я пошел к одному товарищу, проживавшему на Выборгской стороне, по Сампсоньевской улице, недалеко от завода.

На следующий день, около 11 часов утра, я пошел к трамвайной линии, проходящей от Лесного к клинике Вилье. И здесь я увидел следующую картину: из Лесного по направлению к Финляндскому вокзалу быстро-быстро мчался трамвай, передняя и задняя площадка которого были переполнены необычайными пассажирами — полицейскими. Все они были чем-то до крайности встревожены, в руках у них я заметил револьверы. Я понял, что произошли какие-то необыкновенные события, так встревожившие полицейских чинов. Когда вагон трамвая под'ехал ко мне совсем близко — а я шел, не изменяя направления — стоящий на передней площадке какой-то чин закричал неестественным голосом: «Стой!! Не подходи близко! Стрелять будем!». Я остановился. Полицейский окинул меня взором с ног до головы и, к моему великому удивлению, вагон поехал дальше в том же направлении, оставив меня в покое. Я пошел в направлении, противоположном проехавшей полиции, делая различные предположения, почему полиция так свирепо меня встретила и потом оставила в покое. Потом я сообразил, что по костюму полицейские приняли меня за благонамеренного обывателя.

Улица оказалась совершенно пустынной. Только впереди, в направлении Лесного, виднелись какие-то неопределенные, большой величины предметы. Пройдя сажен 150, я заметил, что неясные, валявшиеся по линии трамвая предметы были сброшенные с линии трамвайные вагоны. Вагоны эти валялись в различных положениях—одни лежали на боку, другие были сброшены только

с линий и стояли на колесах, третьи оказывались перевернутыми колесами кверху с некоторым наклоном в ту или другую сторону. Представшая передо мной картина ясно говорила о том, что происходила какая-то схватка рабочих с полицией. Добравшись до Лесного, я зашел в квартиру к тов. Осипову (известному в то время по страховой кампании) с тем, чтобы узнать, что делается в Питере.

Товарищ рассказал мне, что накануне рабочие Выборгского района, не приступая к работам, устроили митинги протеста против полицейской расправы и расстрелов безоружных путиловских рабочих. После митингов рабочие решили устроить демонстрацию. Полиция стала разгонять демонстрантов, пуская в ход нагайки и шашки, рабочие решили оказать сопротивление и стали бомбардировать полицию камнями. После этого пошла полицейская стрельба, а потом наступление рабочих и постройка баррикад.

Материалом для баррикад служили трамвайные вагоны, оказавшиеся на линии. Рабочие не ограничились бросанием камней: у некоторых нашлись револьверы и они стали стрелять. Все это произошло стихийно, ибо партийная организация не давала директив строить баррикады и драться с полицией.

После этого сообщения Осипов послал жену за 3 товарищами, оказавшимися дома, и они на наше приглашение явились очень скоро. Товарищи эти работали на заводе Эриксон, рассказывали, что у них происходило на заводе, и дополнили несколько ту картину событий, которую мне передал тов. Осипов. Мы задавали себе вопросы — что же делать дальше? После некоторой беседы решено было по Финляндской ж. д. отправиться в Озерки и Шувалово, где жило несколько авторитетных членов нашей партии, в том числе и М. И. Калинин, чтобы узнать, живы ли они, что знают и что думают о происшедшем, и вместе решить, что нам делать дальше. Там выяснилось, что движение вначале носило организованный характер протеста против расстрела путиловцев (3 июля), а когда полиция начала разгонять демонстрацию, то озлобление рабочих дошло до крайних пределов, и началось стихийное движение. Рабочие начали свалку с полицией, сбрасывали трамвайные вагоны с рельс. Выстрелы были как с той, так и с другой стороны, а вагоны служили баррикадами, охраняя рабочих от полиции.

На нашем совещании присутствовал Иван Грачев, оказавшийся потом провокатором, который держался особенно воинственно и уверял, что у рабочих оружия достаточно, найти его сумеем еще и что мы можем с успехом продолжать борьбу дальше; его предложение сочувствия не встретило.

В результате совещания составилось приблизительно такое мнение: так как у нас нет достаточно сильной организации для руководства движением и нет вооружения, то естественно, что начатое движение, как вспышка, быстро угаснет, и нам придется вновь стать на работу. С таким мнением, я помню, мы разошлись, и движение на второй день в таких формах больше не возобновлялось. Поздно вечером я отправился по Финляндской ж. д. в Питер.

4. Петербургский комитет большевиков в июльские дни.

В июльские дни 1914 года в Питерский Комитет большевиков входили товарищи: В. Шмидт, Федоров, Антипов, Шурканов, Игнатьев и Сесицкий [1]), Николай Ионов (заведывающий техникой). Из цекистов в то время связь поддерживал член Г. Д. тов. Бадаев; он приносил проекты листовок, издаваемые от имени ПК .Тов. Бадаев в то время проявлял в Питере большую активность как в нелегальной, так и в легальной работе; где бы какое событие ни произошло на предприятиях Питера, тов. Бадаев, пользуясь депутатской неприкосновенностью, неизменно всюду появлялся среди рабочих, лично собирал материал и полученный материал использовывал для агитации с трибуны Г. Д. путем запросов правительству. Когда 8 июля закрывалась наша «Трудовая Правда», он был при последнем ее издыхании, стараясь сделать все, что можно в интересах партии.

Во время забастовки в Баку Питерский Комитет выпустил листовку с призывом на всех фабриках и заводах организовать митинги солидарности с бакинскими рабочими. Предлагалось кончать за час работу, устраивать летучие митинги и выносить постановления об отчислении полдневного заработка в помощь бастующим бакинцам. В результате этих митингов на Путиловском заводе 3 июля—по словам тов. Тюкова—произошло следующее:

[1]) Шурканов, Игнатьев и Сесицкий, как потом обнаружилось, были провокаторами.

В знак солидарности с бастующими рабочими на Бакинских промыслах рабочие Путиловского завода устроили летучий митинг. Митинг состоялся и закончился принятием резолюции-протеста против полицейских зверств и солидарности с бастующими бакинцами. Но полиция и жандармерия была предупреждена об этом митинге. Поэтому к концу митинга собрала большое количество конных стражников, жандармов и полицейских, разместившихся незаметно, часть в зданиях пропускной будки, часть по прилегающим улицам и переулкам. Когда по окончании митинга рабочие стали выходить с завода, то вся эта орда выскочила из своих засад и начала избивать их. Под натиском полиции большинство рабочих отступили обратно в завод. Их били шашками, нагайками. Рабочие, возмущенные до глубины души, решили на это ответить око за око, зуб за зуб, но так как у них никакого оружия не было, то решили вооружиться, набрав камней, железных обрезков, осколков, гаек и т. п. вещей. Сделав такие предварительные приготовления, они двинулись вперед и, наступая, начали бросать в полицию все эти предметы. В ответ полиция открыла стрельбу, сначала взяв прицел несколько выше головы, а потом уже начала стрелять непосредственно в рабочих. В результате несколько рабочих получили огнестрельные раны и несколько были ранены шашками.

Потом начались аресты; было арестовано человек 200 рабочих. Арестованных первоначально собрали в проходной конторе и там началось их избиение: били нагайками, шашками, пинками, кулаками. После избиения бросили всех в Петергофский участок. Рабочих избили так жестоко, что у них распухли физиономии, под глазами образовались огромные синяки. Чтобы скрыть это, полиция не давала арестованным свидания с их родственниками недели две, до тех пор, пока следы побоев более или менее сгладились или остались не такие значительные, как вначале. После схватки с рабочими полиция искала, на ком бы ей сорвать зло. Она настолько рассвирепела, что не давала пощады даже детям: среди арестованных был захвачен подросток, и пристав Петербургского участка набросился на этого малыша и избил его. Один из арестованных, тов. Грязнов (рабочий башенной мастерской), возмущенный диким избиением, закричал:—«Что вы делаете? Что за издевательство, не щадите даже ребят». В ответ на это пристав со всего размаха ударил его по щеке, потом отогнул полу шинели

и начал спокойно, медленно вытирать свою ладонь, показывая, что он осквернил свою благородную руку прикосновением к замазанной рабочей физиономии.

Среди арестованных находились: Тюков—из электрического цеха, Грязнов—из башенной мастерской, Федунов—из механической мастерской, Рубинштейн—из пушечной мастерской и ряд других товарищей. Арестованные, отправленные в Петергофский участок, были посажены в такую маленькую камеру, что они едва могли стоять. Минут через 20—30 с некоторыми товарищами сделались обмороки, другие от сильного изнеможения не могли держаться на ногах. Все это подействовало на остальных арестованных и они были в сильном нервном возбуждении. Появились головные боли, началась рвота и тошнота, и все сделались мокрыми от пота, как будто только что вышли из бани. Наконец, все дошли до такого состояния, что, несмотря на только что перенесенные побои начали стучать в дверь, требуя, чтобы их перевели в другую, более просторную комнату. После крупной ругани, споров и препирательств с администрацией, заключенные, наконец, были переведены в более просторную свободную камеру, а затем были переведены в Спасскую часть. Остальные арестованные путиловцы были рассажены по другим участкам.

Полицейская расправа, учиненная полицией на Путиловском заводе, быстро разнеслась по городу и стала известна рабочим, возмущенным до глубины души.

По словам тов. Николая Ионова, 3 июля вечером Петербургский Комитет вынес решение выпустить листовку с призывом к трехдневной забастовке протеста против расстрела и избиения путиловцев [1]). 4 июля листовка распространяется на многих фабриках и заводах, и 5 июля рабочие во всех районах устраивают на предприятиях митинги, бросают работу и организуют внушительную демонстрацию, приводящую на Выборгской стороне к схватке и перестрелке с полицией и постройке баррикад.

Возмущение рабочих самодержавное правительство пожелало использовать для того, чтобы

[1]) Прокламация эта перепечатана в сб. «Памятники агитац. литературы Р. С.-Д. Р. П. Том VI. В. I. Прокламации 1914 г.», Госиздат, П.-М. 1923 г., стр. 76 — 77. *Прим. ред.*

устроить хорошую кровавую баню, повторить 9 января 1905 года. Охранка выпускает прокламации за подписью ПК, в которой призывает рабочих штурмовать арсенал, захватывать оружие и начать вооруженное восстание [1]).

Это провокационное выступление правительственных банд заставило ПК немедленно принять меры к раз'яснению рабочим того адского плана невероятной расправы, которое задумало самодержавное правительство и которое может привести к кровопролитию и полному разгрому рабочего движения на целые годы.

ПК выпускает новую листовку [2]), с призывом встать на работу, не слушать провокаторов из охранки, ищущих случая расправиться с рабочим классом, копить силы, организоваться для предстоящих боев в будущем.

Некоторые товарищи передавали, что за воротами арсеналов были приготовлены солдаты с пулеметами на случай захвата арсеналов. Охранка думала, что удастся поймать рабочих на удочку и хорошенько проучить их, но эта преступная затея была рабочим раз'яснена, не могла осуществиться и охранка осталась с носом. После этого полиция, как известно, начала брать не мытьем, так катаньем, — приступила к массовым арестам всех известных ей товарищей, закрытию профессиональных организаций, культурно-просветительных обществ и полной ликвидации всей легальной печати, не только большевистской, но и с.-р. и меньшевистской: даже и меньшевики не угодили, несмотря на все свои старания быть столыпинской партией.

ПК тоже не мог устоять от полицейских набегов, и вскоре были арестованы В. Шмидт, Федоров и кое-кто из провокаторов, быстро освобожденных для новой предательской работы.

5. Провал в редакции „Правды".—В тюрьме.

8 июля я поехал в редакцию «Правды», где ожидал встретить тов. Бадаева. Бадаев в то время был уже в редакции. Я передал ему поручение ЦК, получил для поездки в Ригу деньги и

[1]) Ср. предисловие к документам «Июльские волнения 1914 г. в Петербурге» (в этом же № «Прол. Рев.»). *Прим. ред.*

[2]) «Памятники агитац. литературы», стр. 77 — 79. *Прим. ред.*

мне оставалось только получить явку и пароль, чтобы немедленно выехать. На мое несчастье адрес был у т. Гайлиса, который должен был притти в «Правду» часа в четыре. Так как ожидать пришлось довольно долго, то я сказал т. Бадаеву, что я сейчас уйду, а часа через 2—3 вернусь обратно в редакцию.

— Стоит ли вам таскаться по городу?—ответил Бадаев.—Вас знают, еще арестуют, лучше сидите в редакции, здесь более безопасно, тем более, что товарищ, наверное, скоро придет.

С предложением т. Бадаева я согласился и стал ждать. Тут же в редакции оказалась вернувшаяся из-за границы т. Никифорова, которая также с минуты на минуту ожидала адреса, который обещали принести. Прождавши до 6—7 часов вечера, мы дождались не прихода товарища, а полиции, которая ворвалась в редакцию «Правды» в более чем достаточном количестве и начала тщательный обыск, во время которого задерживали каждого приходившего. Так как «Правда» имела большое количество рабочих корреспондентов, товарищей с фабрик и заводов, которые являлись обычно от 6 до 8 часов вечера, то рабочей публики набралось много. В эти дни было очень много всевозможных новостей и, естественно, что рабочих корреспондентов было более обычного. Кроме того, полиция явная и тайная, разбросанная по всем прилегающим к «Правде» улицам, так усердствовала, что некоторых рабочих, проходивших мимо «Правды», насильно толкали в редакцию и после ареста их обнаруживалось, что они никакого отношения к «Правде» не имели. Труды полиции и жандармов были не напрасны. В редакции «Правды» было арестовано около 35 человек.

Всех арестованных отправили в ближайший участок. Всех — и мужчин и женщин — затолкали в одну камеру; из-за тесноты спать мы не могли: кто простоял, кто просидел всю ночь.

На следующий день нас отправили в Спасскую часть. Там мы узнали, что арестованы также редакции меньшевистской «Новой Рабочей Газеты» и эс-эровского органа «Живая Мысль Труда». В Спасской части сотрудники и редакторы всех трех органов были посажены вместе. Туда же были посажены и товарищи, арестованные в дни 3 и 4 июля в различных частях Петербурга.

Из активных членов большевистского подполья и руководителей «Правды» были арестованы следующие 21 товарищ:

1. Михайлов И. — один из редакторов газеты,

2. Гертик А—игравший крупную роль в работе издательства,
3. Герб Д. — издательница газеты,
4. Смирнов Н. — сотрудник «Правды» и член Об'единенного соц.-дем. студенческого комитета,
5. Никифорова А. — секретарь Сызранской больничной кассы,
6. Скрыпник Н. — активный руководитель легальной печати, ныне Наркомюст и прокурор Украины, член Президиума ЦИК,
7. Башурова А. — экспедитор редакции,
8. Малышев С. — бывший секретарь редакции «Правда», ныне член ЦИК и председатель Нижегородского ярмарочного комитета,
9. Алексеев П. — сотрудник «Правды»,
10. Костюков — активный член нашей партии,
11. Иванов Н. — рабочий, член Выборгского Райкомитета,
12. Шуффер А. — студент, член соц.-дем. организации Ростова н/Д, ныне член нашей партии,
13. Васильевский — большевик, ныне работает в секретариате ЦК РКП,
14. Бернгейм Л. М. (Сергей Бакинский),
15. Комаров Н. П. — ныне член ЦИК'а, председатель Сев.-Областного ЭКОСО,
16. Павлов — член с.-д. группы, студент Питерского ун-та,
17. Качалов П. — рабочий завода, член Питерской организации,
18. Шестериков — член с.-д. организации,
19. Кадулин Н. — рабочий одного из крупных заводов,
20. Лучивко-Неслуховский, и
21. Пишущий эти строки.

Среди арестованных был также сотрудник «Правды» Воинов, оказавшийся впоследствии провокатором.

Кроме того, в «Правде» было арестовано десятка полтора товарищей, принесших материалы, корреспонденции или просто зашедших получить ту или иную справку. Их было 19 человек: 1) Тушков Н., 2) Птицын П., 3) Константинов Н., 4) Баринов А., 5) Ульянов Я., 6) Орлов Г., 7) Ватажнов В., 8) Запевалов А., 9) Иванов А., 10) Котылев М., 11) Нейма Б., 12) Виноградов Н., 13) Репин С., 14) Абрамзон Н., 15) Баранов Е., 16) Левензон И., 17) Алексеев М., 18) Смирнов М., 19) Артюхин.

Когда нас привели в Спасскую часть, там уже сидело много товарищей, арестованных за 2 — 3 дня до нашего ареста. Помню

следующие фамилии: 1) Гайлис, 2) Егоров — рабочий завода «Новый Парвиайнен», 3) Енукидзе А. С. (ныне секретарь ЦИК), 4) Курочкин — рабочий одного из питерских заводов, 5) Лутовинов Ю. Х., 6) Митревич — член правления союза металлистов, 7) Мгеладзе-Вардин (ныне член ЦИК), 8) Николаев — бывш. казначей союза металлистов, 9) Попов Тихон (который в 1919 году был командирован на Кавказ для подпольной работы; когда он переходил фронт, то был открыт белыми, и чтобы не даться им в руки и не позволить над собой издеваться, застрелился), 10) Федоров (ныне член ЦИК и секретарь Ленинградского союза металлистов), 11) Шмидт В. (ныне член ЦИК, Наркомтруд Союза ССР) и 12) Ровинский.

Кроме того, сидели еще два плехановца: Шебунин и Шуффер, меньшевик Суслов, анархист Лабзенко и семь эс-эров: 1) Подбельский; 2) Буревой, сидевший под фамилией Соплякова; 3) Горшков; 4) Миткевич; 5) Мощин; 6) Крылов С. Н. и 7) Семин А. П.

В это время в других камерах сидело множество товарищей, арестованных 17 июня в Сампсоньевском обществе «Образование». Там было арестовано большое собрание (132 чел.) под председательством тов. Матвеева-Никифорова (ныне заместителя инженера Графтио по Волхострою). После обыска полиция начала проверять присутствующих лиц и делать сортировку, отделяя овец от козлищ: сто человек отделила и пустила с миром на свободу, а 33 человека арестовала и отправила в Спасскую часть, не уступающую по своим размерам хорошей губернской тюрьме. Среди арестованных находились большевики, меньшевики и с.-р. [1]). Тогда же в Спасской части сидели: Крестинский Ник. Ник., Бонч-Бруевич, нелегальный Никифоров, Ульба из вагонных мастерских К. ж. д., Шевченко, Синяков и др.

Сидело несколько товарищей «правдистов» из общества «Наука и Жизнь» и несколько рабочих фабрик и заводов разных районов.

Все сидели в двух огромнейших камерах, занимающих целый коридор, который отделял эту часть тюрьмы от остальных

[1]) Здесь т. А. Киселев, очевидно, запамятовал. 12 июля в обществе «Наука и Жизнь» было захвачено собрание, состоявшее из 123 рабочих и работниц; 94 чел. были тут же освобождены, а остальные 29 чел. взяты под стражу. В воспоминаниях т. Киселева речь идет, повидимому, именно об этом факте. *Прим. ред.*

ных частей и изолировал нас путем закрытия массивных железных дверей. Мы добились разрешения на открытие имеющихся в этом коридоре обеих камер для свободного общения между арестованными, которых было в то время около 80 человек. Кроме того, сидело много товарищей в других отделениях и этажах Спасской части.

Среди арестованных, между прочим, оказался тов. Никифоров (настоящей фамилии его не знаю, бывший поселенец, бежавший из Сибири и проживавший в Питере нелегально). Этому товарищу, по законам самодержавного правительства, за побег грозило 4 года каторжной работы. Те, кто знал хорошо этого товарища, начали подумывать о том, как бы его освободить из тюрьмы, дабы он избежал жестокой полицейской расправы. Случай к этому в скором времени представился. Так как из числа арестованных в Сампсоньевском Обществе начали некоторых понемногу освобождать, сидевшая в тюрьме публика уговорила одного рабочего с фабрики Розенкранц, который сидел в одной камере с Никифоровым-поселенцем и фамилию имел также Никифоров, остаться в тюрьме вместо Никифорова-поселенца, а ему дать выйти из тюрьмы вместо себя. Когда наступил момент освобождения Никифорова с Розенкранца, то вместо него, по вызову тюремного начальства, вышел нелегальный Никифоров. Тюремная администрация, ничего не подозревая, выпустила на свободу среди других товарищей и его. Прошло после этого дня два или три, администрация Спасской части ничего не знала, так как личность товарища, жившего под фамилией Никифорова, жандармерия не могла еще установить и не знала, что это поселенец, ибо все время его бумаги с фотографическими карточками ходили по жандармским правлениям необ'ятной России. Наконец, личность Никифорова была установлена. Жандармерия явилась в Спасскую часть, требуя его на допрос. Когда вместо ожидаемого Никифорова-поселенца явился Никифоров с завода Розенкранц, то жандармерия поняла, что ее провели.

Жандармы стали вымещать свою злобу на тов. Никифорове, который сидел в одной камере с освобожденным. Он отвечал, что ничего не знает, так как в тот момент, когда начальство Спасской части вызывало Никифорова, он спал и ничего не слыхал. Хотела жандармерия предать его суду за способствование побегу, но так как никаких доказательств не было, то, продержавши его в тюрьме лишних недели две-три, освободила без последствий.

Во время двухмесячного сидения в Спасской тюрьме, мы проводили время главным образом за слушанием и обсуждением докладов на ту или другую волнующую нас тему, а их было достаточно, ибо война выдвигала целый ряд животрепещущих вопросов.

Кроме докладов по аграрному и национальному вопросам, программе и тактике большевиков, очень горячие споры вызвал вопрос о войне. В вопросах войны мы спорили что-то около трех дней кряду, при чем спор затягивался обычно до средины ночи.

Докладчиком от большевиков выступал тов. Скрыпник, а содокладчиком от с.-р., помнится, Миткевич. Конечно, как тот, так и другой докладчик выступали, согласовав свою точку зрения с наиболее авторитетными товарищами, сидящими в этих камерах. Помню, что точка зрения большевиков была довольно определенная и очень близкая к позднейшему лозунгу тов. Ленина — «превращение империалистической войны в войну гражданскую».

Если эс-эровские идеологи предлагали не итти в ряды царской армии и заняться дезертирством, а при открытии военных действий втыкать штыки в землю, считая неэтичным убивать своего брата, то мы решительно возражали против этой толстовской тактики, считая, что мы бы совершили большую ошибку и предательство по отношению к своим же товарищам рабочим и крестьянам, если бы мы случайно оказались в том или ином участке и открывали фронт противнику. Мы, большевики, никогда не сумели бы организовать рабоче-крестьянские массы на борьбу с милитаризмом и капитализмом, если бы отказались итти в ряды армии. Мы потеряли бы свой авторитет в массах, если бы в критические минуты находились вне их рядов.

Некоторые товарищи были настолько прямолинейны в пропаганде антимилитаризма, что с большим увлечением и пылом начали агитировать своих тюремных надзирателей. Однако некоторые надзиратели были настолько патриотично настроены, что говорили: «Вас всех за такие речи надо перестрелять, и отвечать не будем». После таких угроз нам приходилось умерять пыл увлекавшихся пропагандистов.

Кроме серьезных докладов и бесед, для того, чтобы развлечь себя и скрасить тюремную жизнь, мы инсценировали один раз суд над тов. Малышевым, прочитавшим доклад на тему «Буржуазная печать и ее разлагающее влияние на рабочие массы». Этот доклад Сергеем Малышевым был прочитан в юмористическом тоне. Целому ряду фактов он давал такое комическое об'яснение, что вызывал бурю смеха. Тогда докладчик останавливался, и, глядя на хохочущую публику, часть которой лежала на нарах и каталась на них от смеха, он со спокойной физиономией и плачущими нотками в голосе говорил: «Ну как же я буду спокойно читать вам? Вон, посмотрите, как Федоров и Шмидт заливаются смехом и т. п.». Его замечание вновь вызывало дружный смех всей аудитории, и таким образом этот доклад, непрерывно прерываемый хохотом, продолжался часа два. Затем ему был задан ряд вопросов, ответы на которые опять вызывали смех. После доклада товарищи решили, что так как от смеха некоторые потерпели аварию, например, один, вертевшись на нарах, изорвал брюки, другой пиджак, третий еще что-нибудь, то решили организовать суд над Малышевым и пред'явить ему все эти претензии. Сейчас же организовали всю внешнюю картину суда: явился судебный пристав, затем судебный следователь, учинивший допрос, затем были назначены председатель суда, прокурор и сословные представители. На суде выступали эксперты, например, Скрыпник, помнится, в качестве профессора-окулиста. В числе сословных представителей состоял тов. Енукидзе.

На нары водрузили мы большой стол, покрыли его красным одеялом. За столом появился тов. Енукидзе, на груди которого висела баранка, изображавшая медаль. Все судьи что-нибудь надели на себя в качестве различных судебных атрибутов. Все были немножко «замаскированы», например, на пиджаках были нарисованы мелом аксельбанты или нацеплена лента, — веревочная или мочальная. Судебный пристав прицепил себе деревянную шпагу. Кажется, целый день продолжалось предварительное следствие, потом начался суд, были, конечно, и адвокаты, которые защищали Малышева, был прокурор, который его обвинял. Помнится, суд начался днем и продолжался до глубокой ночи, и аудитория в 80 человек беспрерывно заливалась смехом. Когда суд на $^3/_4$ был закончен, вдруг, слышим, загромыхала железная дверь коридора. Товарищи, которые стояли у дверей, увидели, что дверь открылась и в нее ввалилась большущая грозная фигура помощника начальника тюрьмы, которого мы звали «бегемотом». Мы должны были быстро снять судебный стол и поставить его на место, снять со стола красное одеяло, некоторые товарищи, разрисованные мелом, отвернулись в сторону или стояли за спинами других, чтобы не показываться начальнику, а тов. Енукидзе решительно схватил свою медаль-баранку и сказал, что «никому ее не отдаст». По уходе администрации суд возобновился и закончился благополучно. Кажется, присудили Малышева к уплате всех убытков, причиненных слушателям доклада. После суда очень много было всяких разговоров и смеха [1]).

Месяца через два после ареста часть товарищей, сидевших в Спасской тюрьме, подверглась изоляции и отбору. Наиболее вредных, с точки зрения полицейской и жандармской, товарищей изолировали, посадили по одиночным камерам, или по степени ожидавшего их наказания сажали человека по два, по три. Некоторых же товарищей перевели в дом предварительного заключения, а многих, за которыми не числилось никаких особенных грехов, совсем освобождали: часть товарищей, прегрешения которых были не особенно велики, была выселена из Петрограда в определенные местности, а некоторых освободили и запретили им жить в 57 пунктах; отобранные же изолированные от остальной публики и посаженные отдельно—месяца через три получили постановление департамента полиции, в котором были назначены различные сроки ссылки. Помню тов. Башилов получил 4 года Восточной Сибири, тов. Скрыпник также 4 года, тов. Шебунин—3 года, я получил 3 года, Енукидзе—3 года. Получили также по 3 года ответственные сотрудники газет народнического направления и с.-д. ликвидаторы, с которыми помню мы уже встречались в пересыльной тюрьме и которые с нами общей партией направлялись в Сибирь. Вслед за нашей партией отправился также ряд других товарищей, по разным причинам высланных полицией.

А. Киселев.

[1]) Когда мы были уже в сибирской ссылке, то об этом знаменитом событии там было известно; о нем все рассказывали и каждый раз рассказ вызывал большой смех и рассеивал подавленное настроение среди товарищей.